

ОЧЕРКИ УЧЕНИЯ О ЦЕРКВИ.

1. Церковь невидимая и видимая. 2. Основание Церкви: 3. Церковь ветхозавѣтная. 4. Боговоплощеніе какъ основаніе Церкви. 5. Духовная природа Церкви. 6. Церковь какъ богоустановленное общество. 7. Внутреннее единство Церкви. 8. Внѣшнее единство Церкви.

1. *Церковь невидимая и видимая.* Вѣр ую во святую соборную и апостольскую церковь. Согласно опредѣленію 9 чл. символа вѣры Церковь, будучи внѣшнимъ фактомъ, одновременно есть и предметъ вѣры, которая есть «наличность ожидаемаго и очевидность невидимаго», ἐπιζομένη ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων (Евр., 11,1). Какъ видимая, Церковь есть богоустановленное общество съ опредѣленными формами. Но что она есть, какъ невидимая и ожидаемая? Невидимая сторона Церкви распространяется, прежде всего, на ея личный составъ, ибо въ нее входятъ не только люди, сейчасъ живущіе на землѣ, но и въ вѣрѣ отшедшіе, и не только человѣки, но и ангелы: Невидимою является также божественно-благодатная сила, дѣйствующая въ Церкви и ее одушевляющая. Невидимымъ является и божественное основаніе Церкви, имѣющей главою Господа Иисуса Христа, исполняемой Духомъ Святымъ, носящей печать св. Троицы, во имя коей и крещаются всѣ вступающіе въ Церковь. Какъ же ближе опредѣлить соотношеніе между видимой и невидимой стороной Церкви? Можетъ быть два уклона въ ученіи о Церкви: одинъ, ведущій къ болѣе или менѣе полному разрыву явственной связи между Церковью видимой и невидимой, другой же — къ ея овнѣшненію, къ превращенію въ организованное общество единомышленниковъ, вродѣ государства или партіи. Оба уклона обнаружались въ ту эпоху кризиса церковнаго сознанія на западѣ, которая зовется реформаціей. Въ глазахъ дѣятелей реформаціи Церковь есть общество святыхъ, которые только вкраплены

въ земную церковь *) и даже находятся и за предѣлами христіанства (лютеране), или же предызбранныхъ (кальвинисты) и вообще вѣдомыхъ одному Богу (шотландское исповѣданіе). Логическое удареніе лежитъ здѣсь на п р о т и в о п о с т а в л е н і и невидимой, подлинной церкви и видимой, какъ въ сущности неподлинной, въ себѣ только вмѣщающей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скрывающей истинную церковь. Святые въ Церкви, дѣйствительно, невѣдомы міру и вѣдомы только Богу, однако изъ этого факта здѣсь дѣлается выводъ, что не свята Церковь сама по себѣ, какъ богоустановленное общество, она святится лишь святостью святыхъ. Тѣмъ самымъ реформація превращаетъ Церковь въ и д е ю или же только идеальное заданіе, вообще даже невмѣстимое въ предѣлы земного опыта **). Такимъ образомъ, здѣсь совершается *разрывъ* между идеей и дѣйствительностью, невидимымъ и видимымъ, небомъ и землей, божественнымъ и человѣческимъ, т. е. въ скрытомъ видѣ отвергается боговоплощеніе Христа отъ Дѣвы Маріи. Но вмѣстѣ съ этимъ отвергается и Церковь, какъ подлинная и истинная носительница силы и благодати Божіей. Въ спорѣ съ реформаторами съ католической стороны подчеркивалось главнымъ образомъ то, что святости Церкви не противорѣчитъ участіе въ ней не только праведниковъ, но и грѣшниковъ, и что Церковь представляетъ собою видимое общество, столь же явное и осязательное какъ царство Галліи и Венеціанская республика (Bellarmini, *Eccl. milit.*, с. 2) ***). Однако рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ

*) *Confessio Augustana* (1530), art. 7. *Est autem ecclesia congregatio sanctorum, in qua evangelium recte docetur et recte administratur sacramentis.* Art. 8. *Quamquam Ecclesia proprie sit congregatio sanctorum et vere credentium, tamen cum in hac vita multi hypocritae et mali admixti sint, licet uti sacramentis, qui per malos administrantur;* Лютеръ въ Большомъ Катехизисѣ: *Credo in terris esse quamdam sanctorum congregationem et communionem ex mere sanctis hominibus coactam, sub uno capite Christo.* Катехизисъ Женевской церкви. (Calvini 1545): *Quid est ecclesia? Corpus ac societas fidelium quos Deus ad vitam aeternam praedestinavit. Scotorum confessio: Haec ecclesia invisibilis est, uni Deo cognita, qui solus novit quos elegerit.* (M. D'Herbigny *Theol. de eccl.* I, 85-6).

***) К. Hase. *Handbuch der protestantischen Polemik gegen die römisch - katolische Kirche.* Leipzig 1871, s. 3.

Реформаторы обратились къ небу за вѣчнымъ правомъ идеи — *nach dem ewigen Rechte der Idee*: «не мы — истинная Церковь, какъ ея хотѣлъ Христосъ, ни вы, но это Царство Божіе, стремящееся обнять все человѣчество своей совершенной божественной правдой и совершеннымъ нравственнымъ благочестіемъ, *ist eine Idee*, которая лишь постепенно и въ образахъ осуществляется въ міровой исторіи».

Лютеръ говоритъ: «Мы вѣримъ въ св. Церковь ибо она невидима, живетъ въ духѣ въ такомъ мѣстѣ, куда никто не можетъ придти. Членъ вѣры говоритъ: я *вѣрую* во св. Церковь, но не говоритъ: я вижу св. Церковь. Если ты будешь судить по внѣшнему виду, ты увидишь, что она грѣховна и преступна, ибо въ себѣ она не имѣетъ оправданія, кромѣ какъ во Христѣ, который есть ея глава, въ этой вѣрѣ вижу я ея святость (слѣд., дѣйствительность, не соответствующую идеѣ). Я вѣрю, что св. Церковь на землѣ, а такая есть не только подъ папой, но и во всемъ мірѣ, у турокъ, у персовъ, у татаръ, а также тѣлесно разбѣяна во всемъ христіанствѣ, но духовно собрана подъ *однимъ* главой, который есть І. Христосъ». (ib.).

***) Даже Möhler. *Symbolik*, говоритъ: «католики учатъ: сначала видимая Церковь, а тамъ приходитъ невидимая: лишь первая образуетъ вторую. Лютеране говорятъ на-

не самое опредѣленіе внѣшнихъ, видимыхъ границъ Церкви, но постиженіе ея природы. Основнымъ свойствомъ Церкви является то, что подъ внѣшними формами и проявленіями ея жизни подается благодать, совершается дѣйствіе силы божественной. Церковь есть божественная, благодатная *жизнь* на землѣ, въ этомъ мірѣ и за его предѣлами одновременно. Церковь есть непрестанно совершающееся обоженіе человѣка и въ немъ міра. Самымъ характернымъ для жизни Церкви поэтому является именно неразрывное *соединеніе* божественной и человѣческой жизни, сращенность формы и содержанія, безъ устраненія или растворенія человѣческаго естества, надѣленного пронцаемостью для благодатнаго претворенія. Такимъ образомъ, Церковь есть единство премірнаго (трансцендентнаго) и мірового (иманентнаго) бытія. Такое единство есть *тайна*, превосмогающая умъ, и потому жизнь Церкви есть тайна вѣры, которая открывается только въ жизненномъ опытѣ ея членовъ. Въ этомъ смыслѣ Церковь нельзя *показать* невѣрующему, какъ Галлію или Венецію, но для вѣрующаго она вполнѣ осязательна и видима, ея бытіе подчиняется формамъ пространственности и временности, общимъ для всего мірового бытія. Церковь есть дѣйствіе Духа Божія, обитающаго въ человѣкѣ, она есть воплощеніе Христа Спасителя, живущаго въ мірѣ и пребывающаго въ немъ «всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ», она есть вмѣстилище Духа Св., сошедшаго въ Пятидесятницу на землю и пребывающаго въ Церкви, она есть откровеніе св. Троицы въ мірѣ. Вся исторія Церкви таинственна, и сама она есть, можно сказать, непрерывное таинство, которое проявляется въ отдѣльныхъ молитвенныхъ тайнодѣйствіяхъ, и, въ частности, и въ таинствахъ Церкви въ собственномъ смыслѣ. И какъ въ таинствѣ все видимо, имѣя свою установленную форму, но и все невидимо, именно что наполняетъ эту форму. Невѣрующій глазъ здѣсь видитъ только одну внѣшность, для вѣрующаго же вѣдомо содержаніе этой внѣшности. Церковь есть лѣствица между небомъ и землей, черезъ которую совершается богонисхожденіе и восхожденіе къ небу человѣковъ. Церковь есть благодатная жизнь въ Богѣ, и потому она не можетъ быть ни опредѣлена, ни описана. Однако по волѣ Божіей она сращена съ внѣшними формами и установленіями, которые и должны быть свято и нерушимо соблюдаемы и могутъ быть показаны, какъ «Галлія и Венеціанская республика»... Въ этомъ смыслѣ Церковь есть богоустановленное общество, основанное Господомъ Іисусомъ Христомъ и имѣющее свой опредѣленный строй.

2. *Основаніе Церкви.* Церковь на землѣ основана по прямому изволенію Господа І. Христа, въ дни его земной жизни, и утверждена Кровію Его, изліянной за мірскій животъ. Совершишася, возвѣстившееся съ креста (Іо., 19,30) и раздравшее церковную завѣсу ветхозавѣтнаго Храма, явилось и основаніемъ Церкви

оборотъ: изъ невидимой происходитъ видимая, и первая есть основаніе послѣдней. Въ этомъ повидимому незначительномъ (?) противорѣчій заключается огромная разница».

Христовой. Другимъ событіемъ, завершившимъ основаніе Церкви, явилась Пятидесятница, изліяніе Даровъ Св. Духа на апостоловъ, а черезъ нихъ и на всякую тварь. Однако, не смотря на это, говорится и о вѣтх о з а в ѣ т н о й Церкви, существовавшей ранѣе пришествія Христова, конечно, силою грядущаго явленія Христа. И въ этомъ смыслѣ начало Церкви положено въ раю, («начало ея въ раи положилъ еси», — чинъ правосл.). Это начало непосредственно связывается съ изреченнымъ Богомъ обътованіемъ о с ѣ м е н и ж е н ы. Однако можно не безъ основанія разсматривать уже и райское состояніе прародителей до грѣхопаденія какъ предназначающуюся Церковь. Прародители жили въ непосредственномъ богообщеніи: «и услышали гласъ Бога, ходящаго въ раю во время проклады дня» — (Быт. 3, 8). Въ раю не было храма подобно тому, какъ въ небесномъ Іерусалимѣ, (въ Откровеніи 21, 22) храма же я не видѣлъ въ немъ, ибо Господь Вседержитель Богъ — храмъ его и Агнецъ. Намъ совершенно недовѣдомо, каковы были бы судьбы міра, если-бы не произошло грѣхопаденіе. Однако и оно не могло измѣнить самого основанія созданія міра, ибо тако возлюбилъ Богъ міръ, что въ предвѣчномъ совѣтѣ Своемъ опредѣлилъ вочеловѣченіе и крестную жертву Сына Своего для спасенія міра и созданія Церкви. Церковь есть неизмѣнное основаніе и цѣль міротворенія. Міръ созданъ Богомъ ради Церкви, какъ ея вмѣстилище («Богъ избралъ насъ въ Немъ прежде созданія міра» Еф. II, 4), ибо послѣдній предѣлъ развитія міра будетъ то, когда Богъ станетъ всяческая во всѣхъ. Это есть «домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ, создавшемъ во Іисусѣ Христѣ, дабы нынѣ содѣлалась извѣстной начальствамъ и властямъ на небесахъ многоразличная премудрость Божія» (Еф. 3: 9-10) «Великаго благочестія тайна: Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духѣ, показалъ Себя Ангеламъ, проповѣданъ въ народахъ, принятъ вѣрою въ мірѣ, вознесся во славу» (I Тим. 3: 16).

Міръ созданъ для Церкви и въ Церкви имѣетъ свою высшую основу *). Если шестодневъ заканчивается и увѣнчивается созданіемъ челоуѣка, послѣ котораго исполнена вся полнота и Богъ почилъ отъ дѣлъ своихъ, то это сотвореніе міра и въ немъ челоуѣка по образу и подобию Божію имѣетъ свою предвѣчную основу въ Премудрости Божіей, она же есть предвѣчный образъ и основа Церкви. Церковь есть

*) Эта мысль въ церковной писменности съ особенной отчетливостью выражена въ П а с т ы р ѣ Эрма (140/55) вид. 2, гл. 4, I: ему было открыто, что почтенная старица, ему явившаяся и давшая ему книгу, есть Церковь. «Почему же она старица (πρεσβυτέρα?) Потому, что она создана первѣе всѣхъ, потому она и старица, и ради нея созданъ міръ (ταί δια ζαύ τυυ ὁ κόσμος κατηγισθη). Также и у св. Климента, папы Римскаго, во II посланіи къ Коринфянамъ (ок. 150) читаемъ: «думаю, что вамъ вѣдомо, что церковь живущая есть тѣло Христова (Еф. I: 22,23). Ибо говоритъ писаніе: «сотворилъ Богъ челоуѣка мужа и жену» (Быт. I: 27) Мужъ есть Христось, жена Церковь. А еще книги пророковъ и апостолы свидѣтельствуютъ, что Церковь не теперь только, но свыше (τήν ἐκκλησίαν οὐ νῦν εἶναι ἀλλά ἀπθεν ἤνυθε πνευματικῆ) она была духовной, какъ и Іисусъ нашъ, явился же въ послѣдокъ дней, чтобъ насъ спасти» (14,2).

небесный Иерусалимъ, сходящій на землю въ полноту времени (Откр. 21) слава Божія, которая откроется въ насъ (Рим. 8: 18), жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный (2 Кор., 5, 1 Филип. 3, 20-1). Объ этой славѣ говоритъ въ первосвященнической молитвѣ Своей Спаситель: «нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого Славою, которую я имѣлъ у тебя прежде бытія міра. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ» (Іо. 17, 5, 24). Міръ созданъ Богомъ изъ ничего, но Божественной полнотой и премудростью, которая была художницей предъ Нимъ и радость которой въ сынахъ человѣческихъ (Притчи Сол. 8: 31). Міръ созданъ Богомъ, какъ Церковь въ своемъ основаніи и въ своемъ совершеніи. Жизнь міра есть становящаяся Церковь, судьбы міра есть исторія Церкви. Церковь не могла возникнуть изъ несуществующаго, какъ возникаютъ разныя человѣческія общества или государства, она не могла быть *основана*, какъ основываются человѣческія учрежденія, которыя могутъ быть и не быть. Ея возникновеніе и основаніе подчинено высшей внутренней необходимости, заложенной въ самомъ сотвореніи міра и человѣка. Въ осуществленіи своемъ Церковь возникаетъ во времени, но въ основаніи своемъ она существуетъ *предвѣчно*, какъ божественная первооснова и цѣль мірозданія. Это тайна боговоплощенія, недовѣдомая даже ангеламъ. Господь создалъ міръ для человѣка, а человѣка онъ создалъ, чтобы имѣть въ немъ себѣ друга, содѣлать его *чадомъ Божиимъ*, приобщить его къ божественной жизни. Пресвятая Троица, единосущная любовь Трехъ Впостасей, самозамкнутая и самодовлѣющая Взаимность, Божественное Тричисліе, всеблаженная и вседовольная, не могущая имѣть никакого восполненія, въ щедродательной любви Своей творитъ изъ небытія по образу и подобію Своему впостаснаго человѣка, и эту человѣческую впостась хочетъ приобщить къ любви Своей и къ жизни Своей, дабы ее совершенно обожить, сотворить изъ человѣка «бога по благодати». Это и означаетъ — сотворить его для Церкви и ради Церкви, ибо она и есть благодатная жизнь обоженной твари. Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что въ предвѣчномъ Своемъ совѣтѣ предопредѣлилъ воплощеніе единороднаго Сына, дабы дать вѣрующимъ въ Него жизнь вѣчную, спасти міръ (Іо. 3: 16-17). Боговоплощеніе и есть свершеніе Церкви черезъ обоженіе человѣческой природы, а вмѣстѣ съ нею и освященіе и преображеніе всей твари, созданіе новаго неба и новой земли, въ нихъ же оправданіе всего. «Ибо тварь съ надеждой ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ — въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу дѣтей Божіихъ» (Рим. 8. 20-21). «По обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда» (2 Петр. 3, 13).

3. *Церковь Ветхозавѣтная.* Адамъ и Ева, созданные по образу и подобію Божію, въ немъ должны были найти силу для свободнаго уподобленія этому образу, иначе говоря къ полному воцерковленію своей жизни, а вмѣстѣ съ собой и всей твари, судьбы которой были поставлены въ зависимость отъ человѣка. Первая чета была поселена въ рай воздѣлывать и хранить его и получила заповѣдь Божію, какъ внут-

ренною норму своей жизни, — не вкушать плодовъ древа добра и зла. Эта заповѣдь содержала въ себѣ сокровенно предначертаніе пути оцерковленія чловѣка. Онъ долженъ былъ прежде всего явить послушаніе, но это послушаніе могло оказаться лишь выраженіемъ его любви къ Богу, исполненной безграничнаго сыновняго довѣрія. Непослушаніе же явилось и нелюбовью къ Богу-Любви, слѣдовательно затмѣніемъ и искаженіемъ образа Божьяго въ чловѣческомъ его подобіи. Вкушеніе запретнаго плода явилось, вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельствомъ маловѣрія: мірскія стихіи, плодъ древа, оказались въ глазахъ оболыщеннаго чловѣка болѣе могущественнымъ средствомъ къ мнимому обоженію («будете яко боги»), нежели сила благодати Божіей. Въ чловѣкѣ произошло обращеніе отъ Бога къ міру, отпаденіе отъ живого и непосредственнаго богообщенія. Другими словами, чловѣкъ сошелъ съ пути оцерковленія и вступилъ на путь обмірщенія. Этимъ онъ нарушилъ норму своей собственной природы и повлекъ за собою всю тварь. Приговоръ Божій надъ падшимъ чловѣкомъ былъ столько же присужденіемъ кары, сколько и выявленіемъ неустранимыхъ послѣдствій такого самоопредѣленія: чловѣкъ, сдѣлавшись только природнымъ, потерялъ власть надъ природой и надъ своимъ собственнымъ тѣломъ, сталъ смертенъ и понесъ на себѣ печать осужденія за грѣхъ. Въ грѣхопадѣніи расторгнута была связь между Церковью и міромъ, отвергнутъ былъ путь оцерковленія. Однако чловѣческому грѣху не дано было превзойти Божьяго милосердія, а чловѣческой немощи разрушить Божіе предначертаніе о твореніи. Церковь не была разрушена грѣхопадѣніемъ чловѣка, хотя премѣнились пути ея строительства на землѣ. Въ больной чловѣческой природѣ осталось еще живое сѣмя, которое могло быть возвращено въ садъ Божіемъ. Это было «сѣмя жены», которое «сотретъ главу змія». Въ чловѣческомъ родѣ избрана была благодатная вѣтвь, которая должна была возрастить «сѣмя жены», это родъ Богоматери. Въ раю Божіемъ вмѣстѣ съ приговоромъ надъ прародителями, полагается и основаніе тому *родословію* Христа, которымъ открывается Евангеліе. Н е с м о т р я на грѣхъ, силою помощи Божіей, начинается постепенное оздоровленіе чловѣческаго рода къ тому, чтобы вмѣстить Церковь и принять воплощающагося Христа. Это есть нѣкоторое *предварительное* воцерковленіе, приготовленіе къ Церкви, какъ бы притворъ церковный. Это и есть такъ называемая *в е т х о з а в ѣ т н а я* церковь, какъ богоустановленое общество, хранящее неповрежденной вѣру въ истиннаго Бога и огражденное священнымъ обрядомъ и закономъ. Это прообразъ грядущей Церкви Христовой, ея приуготовленіе: «прейде сѣнь законная благодати пришедшей» (догмат.) Въ исторіи ея можно отмѣтить нѣсколько граней: 1) *отъ Адама до Ноя* когда священное преданіе, установленіе жертвъ, которое, судя по примѣру Каина и Авеля, ведетъ свое происхожденіе изначала, хранятся въ избранномъ родѣ патріарховъ, причѣмъ все остальное чловѣчество постепенно охватывается развращеніемъ. 2) *Отъ праваднаго Ноя до Авраама*: Господь избралъ Ноя и близкихъ его

для спасенія въ ковчегѣ, который и является неизмѣннымъ образомъ Церкви, отъ общаго истребленія, причемъ Богъ заключилъ завѣтъ съ Ноемъ знаменіемъ радуги о томъ, что новаго потопа болѣе не будетъ. 3) Отъ Авраама до Моисея: съ Авраамомъ Богъ заключилъ завѣтъ въ томъ, что въ родѣ Авраамовомъ должно сохраняться истинное богопочитаніе, родъ же сей будетъ возвеличенъ Богомъ, какъ избранная отрасль, о которой благословятся всѣ племена земныя, и въ знакъ сего завѣта установлено было обрѣзаніе для младенцевъ мужского пола, прообразъ крещенія. Родъ Авраама сдѣлался избраннымъ народомъ Божиимъ, такъ что Богъ, являясь Моисею, называлъ себя: «Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова» (Исх. 3,6). И Господь Іисусъ въ родословной св. Матѣ. именуется: «сынъ Давидовъ, Сынъ Авраамовъ»... 4) Отъ Моисея до пророковъ: Господь открылъ имя свое *Иегова* черезъ Моисея и вывелъ черезъ него народъ еврейскій изъ Египта. Черезъ Моисея Богъ далъ народу законъ, установилъ подзаконное священство, жертвы и времена; было установлено священное мѣсто поклоненія Богу — скинія, а затѣмъ и храмъ, воздвигнутый Соломономъ. Господь оградилъ избранный родъ отъ всѣхъ родовъ оградой закона, какъ виноградникъ, по слову пророка Исаи (5: 1-2, 7): «у Возлюбленнаго Моего былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы. И Онъ обнесъ его оградой, и очистилъ его отъ камней, и насадилъ въ немъ отборныя лозы, и построилъ башню посреди его, и выкопалъ въ немъ точило, и ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя гроздья, а онъ принесъ дикія ягоды... Виноградникъ Господа Саваофа есть домъ Израилевъ, а мужи Іуды любимое насажденіе Его»; 5) отъ пророковъ до Христа. Еврейству былъ данъ не только «законъ», но и «пророки», боговдохновенные мужи, которые призваны были воспитывать новозавѣтный духъ въ подзаконномъ народѣ, пробуждать чаянія Мессіи и готовить Его встрѣчу, призывать къ Грядущему во Имя Господне. Пророческая проповѣдь сроднила сознаніе еврейства съ грядущимъ спасеніемъ настолько, что оказалось возможнымъ въ полноту времени и сроковъ такое твердое и ясное сознаніе чаемаго спасенія, какое обнаружилъ іерей Захарія, отецъ Предтечи (Лк. 1: 67-79), Симеонъ и Анна Богопріимцы (Лк. 2: 29-35, 38) и, наконецъ, оказалось возможнымъ появленіе Іоанна Предтечи, съ его совершенно яснымъ вѣдѣніемъ о приближеніи Агнца Божьяго, вземлющаго грѣхъ міра.

Важнѣйшая задача Ветхозавѣтной Церкви состояла въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ воспитаніемъ сознанія въ человѣческомъ родѣ воспитывалась бы преемственно, наследственно святость и была бы ограждена предызбранная святая семья, въ которой изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранялась, наращалась, укрѣплялась бы личная святость, вспомошествоваемая благодатью Божіей. Исторія ветхозавѣтной Церкви у евангелистовъ (Матѣ. 1, 1-17, Лук. 3, 23-38) вся сосредоточивается въ родословной Христа Спасителя, е с т ь это родословіе. «Законъ и пророки» вели къ тому, чтобы на древѣ богоизбраннаго народа могла появиться Священная Отрасль, чтобы про-

цвѣла на немъ Неувядаемымъ Цвѣтомъ — Дѣва Марія. И обѣ родословныя именно раскрываютъ смыслъ Ветхаго Завѣта, какъ воспитаніе человѣческаго рода къ Рождеству Христову черезъ Благодатную Марію. Правда, обѣ родословныя ведутъ къ Іосифу или отъ Іосифа, но извѣстно, что родъ Іосифовъ и родъ Маринъ долженъ быть одинъ и тотъ же родъ, и только еврейскій обычай исчислять родословныя черезъ мужскія колѣна заставляетъ и въ данномъ случаѣ привести родословную не къ Маріи, но къ обрученику Ея (впрочемъ, это можетъ имѣть еще и свой особенный смыслъ — показать, что въ итогъ священнаго родословія и весь человѣчскій родъ является матерію Господа, точнѣе матерію Матери, какъ и поется въ рождественскомъ пѣснопѣніи: «мы же (приносимъ) Марію Дѣву»). Съ Рождествомъ Христовымъ окончились времена Ветхозавѣтной Церкви, и хотя завѣса церковная раздралась лишь послѣ Голгоетскаго совершеншася, однако внутренне прообразы уже поблѣднѣли и разступились предъ Первообразомъ, ихъ исполненіемъ, и Дѣва Марія, храмъ одушевленный, безъ всякаго препятствія вступила въ Святаю Святыхъ храма рукотворнаго и собою внутренне упразднила его преобразовательное значеніе. Господь совершилъ всякую правду закона, кѣторый пришелъ не нарушить, но исполнить, однако при этомъ влагая въ него новый смыслъ и содержаніе, являя его лишь «какъ тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей» (Евр. 10:1).

4. *Боговоплощеніе какъ основаніе Церкви.* Грѣхопадениемъ Адама отвергнуть былъ человѣкомъ и сталъ для него непосильнымъ прямой путь оцерковленія жизни, къ которому онъ былъ призванъ. Онъ сдѣлался печальнымъ плѣнникомъ міра сего и князя этого міра. Для того, чтобы ему возможно стало вернуться къ богоустановленному пути, нужно было, чтобы въ немъ появилась новая жизнь, новыя силы, при чемъ эти силы однако не разрушили бы, но сохранили его человѣческую природу. Обновленіе ветхаго Адама совершилось явленіемъ Новаго Адама, Бога и Человѣка, Господа І. Христа. Въ немъ человѣчество, невреденно сохранившееся, соединилось — нераздѣльно и неслиянно — съ Божествомъ и снова обрѣло свое истинное, изначальное состояніе, освободилось отъ тлѣна и порчи. Предназначенное для воцерковленія, оно и стало во Христѣ Церковью, совершенно пріявшею божественную жизнь, обожившимся человѣчествомъ. Совершенное обоженіе человѣческой природы во Христѣ и есть основаніе Имъ Церкви. Дѣйствительнымъ основаніемъ Церкви является поэтому совершившееся боговоплощеніе Христа Спасителя, при которомъ вся человѣчность, совершенная человѣческая природа соединилась съ истинной божеской природой, «полнотой Божества» въ лицѣ Логоса, Второй Упостаси св. Троицы, при полномъ взаимномъ проникновеніи обѣихъ природъ (*περιχώρησις*) но и безъ всякаго взаимнаго поглощенія. Эта основная истина вѣры была торжественно провозглашена и утверждена на IV вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ 451г. «Слѣдуя св. отцамъ всѣ мы согласно учимъ исповѣдывать одного и того же Сына Господа на-

шего Иисуса Христа, и Его совершеннаго въ Божествѣ и Его совершеннаго въ чело-
вѣчествѣ, Его же истинно Бога и истинно челоѣка, изъ души разумной и тѣ-
лесной, единосущнаго Отцу по Божеству и Его же единосущнаго намъ по челоѣчест-
ву, намъ во всемъ подобнаго, кромѣ грѣха, прежде всѣхъ рожденнаго отъ Отца по
Божеству, въ послѣдокъ дней Его же рожденнаго отъ Дѣвы Маріи Богородицы по
челоѣчеству, одного и того же Христа, Сына Господа, едиnorodнаго, изъ двухъ при-
родъ несліянно, неизмѣнно, неразрывно, нераздѣльно познаваемаго (*ἀδυσκίτως,
ἀτρέπτως, ἀδιαρέτως, ἀχωρίστως γυνριζόμενος*) причемъ различіе природъ никогда не уни-
чтожается соединеніемъ, напротивъ, свойство каждой природы сохраняется и (обѣ)
онѣ соединяются въ одно Лицо и одну впостась, не раздѣляясь и не распадаясь на
двѣ впостаси».

Ставъ Богочеловѣкомъ, Второе Лицо св. Троицы, Господь Иисусъ Христосъ, при-
нялъ на себя челоѣчество, кромѣ грѣха и сдѣлалъ его Своей собственной природой,
соединивъ со Своимъ Божествомъ. Во исполненіе сего спасительнаго плана, Онъ раз-
дѣлилъ всѣ судьбы падшаго челоѣчества (кромѣ грѣха), изжилъ ихъ сполна, вплоть
до крестнаго страданія и смерти. Но это изживаніе безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ
судебъ падшаго челоѣка имѣло возрождающее, спасающее, искупающее значеніе.
Своими страданіями Спаситель обезсилилъ грѣхъ въ челоѣческой природѣ, Своею
кровію и крестной смертью Онъ побѣдилъ силу смерти. Вопреки падшему состоянію
челоѣка Онъ явилъ его въ безгрѣховномъ, должномъ, естественномъ состояніи.
Онъ прославилъ его воскресеніемъ потому, что смерть не могла удержать безгрѣш-
наго Мертвеца. Онъ воскресъ во славѣ, и, вмѣстѣ съ собой воскресилъ, далъ силу
воскресенія всему челоѣческому роду. Въ воскресшемъ тѣлѣ Христа челоѣчество
достигло высшаго состоянія, ему предназначеннаго при твореніи, но имъ утеряннаго
даже въ возможности силою грѣха. Челоѣкъ созданъ для славы Божіей, т. е. для
Церкви, чтобы *стать* Церковью и быть Ею. Въ грѣхопадении путь этотъ къ воцер-
ковленію былъ имъ отвергнутъ. Новымъ Адамомъ, Христомъ, путь этотъ былъ прой-
денъ до конца, и Христово челоѣчество стало Церковью. О чемъ и свидѣтельствуемъ
самъ великій Первосвященникъ въ первосвященнической Своей молитвѣ: «И Славу,
которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ... Отче, которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ,
гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ Славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ, потому
что возлюбилъ Меня прежде основанія міра». (Іо. 17: 22-24). Господь въ Своемъ Лицѣ
прославилъ весь челоѣческій родъ и всему ему сообщилъ силу Своего Воскресенія:
«на Страшный Судъ соберутся *все языци* (Мѡ. 25: 3). Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ,
такъ и во Христѣ всѣ оживутъ» (I Кор. 15: 22). Господь, какъ совершенный Челоѣкъ,
пріялъ на челоѣчество свое и совершенное изліяніе даровъ Св. Духа, сошедшаго на
Него въ видѣ голубя при крещеніи отъ Іоанна въ водахъ Іорданскихъ, — по Божест-
ву же Своему Онъ всегда оставался неразлученъ съ Духомъ Св., исходящимъ на Него
отъ Отца. Послѣ крещенія Онъ явился уже «исполненъ Духа Свята» (Лк. 4) и могъ

свидѣтельствовать о себѣ словами Исаи: «Духъ Господень на Мнѣ» (Лк. 4: 16). Но сего Духа Святого Онъ по воскресеніи Своемъ ниспослалъ отъ Отца Своего, какъ Онъ обѣтовалъ на Тайной Вечери, ученикамъ Своимъ: «уне есть вамъ да Азь иду.... послю Его къ вамъ» (Іо. 16: 7) Пятидесятница, сошествіе Святаго Духа на Церковь въ лицѣ Апостоловъ, явилась завершеніемъ спасенія челоѣчества черезъ обоженіе, она была совершительнымъ дѣйствіемъ дѣла Христова, Его воплощенія: «Онъ (Духъ Св.) прославить меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ» (Іо. 16,14). Какъ въ предвѣчной жизни св. Троицы Духъ Св. почиетъ на Сынѣ, открывающемъ Отца, такъ и въ мірѣ боговоплощеніе Христа осталось бы не завершеннымъ, еслибы оно не привело за собой и нисхожденіе Св. Духа, сущаго нераздѣльно со Христомъ. Посему и обоженіе челоѣчества совершается Христовымъ боговоплощеніемъ силою Св. Духа, причемъ и Сынъ и Духъ Св. посылаются Отцомъ и Его открываютъ. Слѣдовательно основаніе Церкви является дѣломъ всея св. Троицы, при чемъ каждая изъ Трехъ впостасей открывается соотвѣтственно впостасному свойству своему: Отецъ посылаетъ, Сынъ воплощается, Духъ Св. нисходитъ и осуществляетъ дѣло Сына.

5. *Духовная природа Церкви.* Господь принесъ новую, благодатную жизнь челоѣку, жизнь во Христѣ и со Христомъ. Единеніе божеской и челоѣческой природы, воплощеніе Бога и обоженіе челоѣка, дало челоѣку возможность такого полнаго, глубокаго и таинственнаго единенія со Христомъ, что онъ можетъ сказать о себѣ устами ап. Павла: «уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гал. 2: 20). Это соединеніе настолько несокрушимо и нерушимо, что о немъ можно свидѣтельствовать словами того же апостола: «ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ». (Рим. 8: 38-9) Господь Самъ говорилъ о Себѣ: «Кто жаждетъ, иди ко мнѣ и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой». Сіе же сказалъ о Духѣ, котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него» (Іо. 7:38-9) и торжественно провозгласилъ Онъ же въ первосвященнической молитвѣ: «Ты далъ Ему (Сыну) власть надъ всякою плотію, да всему, что Ты далъ Ему, дастъ Онъ жизнь вѣчную» (Іо. 17:2). Жизнь со Христомъ становится жизнью во Христѣ, жизнью Христа въ насъ. Здѣсь повторяется или снова осуществляется тайна единенія двухъ природъ во Христѣ: Онъ соединяется не только съ *личнымъ* Своимъ тѣломъ воплощенія, съ челоѣчествомъ Своимъ, но въ немъ и со всякимъ челоѣкомъ, Его взыскающимъ.

Въ этомъ смыслѣ совершеннаго общенія жизни со Христомъ Церковь именуется во Словѣ Божіемъ *Тѣломъ Христовымъ*: «Вы Тѣло Христово, порознь — члены» (I Кор. 12:27) «Церковь есть Тѣло Его, полнота, наполняющая все во всемъ» (*τὸ πλῆρωμα τοῦ τὰ πάντα ἐν πάντιν πληρομένου*) (Еф. 1,23; 4,12; Кол. 1,24). Чтобы понять истинное значеніе этого опредѣленія, нужно видѣть въ немъ большее, чѣмъ простое уподобленіе, разумѣть выраженіе нѣкоторой сущности. Природа тѣла

въ отношеніи къ живущему въ немъ духу состоитъ въ томъ, что оно является, съ одной стороны, послушнымъ орудіемъ для велѣній духа, а съ другой — средствомъ проявленія духа, осязательнымъ его откровеніемъ. Тѣло имѣетъ общую жизнь съ духомъ, ихъ можно различать, но нельзя отдѣлять и противопоставлять. Разумѣется при этомъ опредѣленіи имѣется въ виду или изначальное, первозданное состояніе тѣла, неискаженное грѣхомъ, или состояніе прославленнаго, одуховленнаго тѣла, тѣла Христа воскресшаго, но подъ него не подходитъ теперешнее состояніе нашего тѣла, которое силою своей чувственности и матеріальности является темницей для духа. Именуя Церковь тѣломъ Христовымъ, апостоль свидѣтельствуемъ о такомъ единеніи Христа съ человѣчествомъ, которое раскроется на Страшномъ Судѣ, когда самъ Господь засвидѣлствуетъ явно о Своемъ присутствіи въ каждомъ человѣкѣ: «что сдѣлали вы одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ, и что не сдѣлали одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ» (Мѡ.25:40, 44). Апостоль научаетъ поэтому и отдѣльныхъ членовъ Церкви смотрѣть на тѣла свои, какъ на члены Тѣла Христова. «Развѣ вы не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы?» (Кор. 6.15). Другое опредѣленіе Церкви, которое дается Словомъ Божиимъ, заимствовано изъ брачныхъ отношеній. Церковь именуется *Невѣста Христова* или *Жена Его*: (2 Кор. 11:2, Откр. 21:9, 22:7.) «Я обручилъ васъ единому мужу, чтобы представить Христу чистой дѣвою» (2 Коринѣ. 11,2) «Наступилъ бракъ Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься въ виссонъ чистый и свѣтлый, виссонъ же есть праведность святыхъ. И сказалъ мнѣ Ангель: напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца» (Откр. 19 7-8) «И сказалъ ангель: пойдѣ, я покажу тебѣ жену, невѣсту Агнца... и показалъ мнѣ великій городъ, святой Іерусалимъ, который нисходилъ съ неба отъ Бога» (21,9,10). И самая тайна брака изъясняется апостоломъ, какъ «тайна во Христа и въ Церковь» (*μυστήριον μέγα*) (Еф. 5:32). Въ этихъ уподобленіяхъ выражена таже самая мысль, что и выше. Отношеніе жениха и невѣсты и въ особенности мужа и жены осуществляется, съ одной стороны, соединеніемъ двухъ во едино даже и въ плотскомъ отношеніи «и будѣта два въ плоть едину» (Быт. 2:26, Мѡ. 19:5-6, Мѡ. 10:8), является общею жизнью двухъ, а, съ другой опредѣляется іерархическимъ соотношеніемъ, различіемъ мужа, какъ главы, отъ жены, имѣющей долгъ повиновенія. Какъ тѣло послушно велѣніямъ духа, съ которымъ оно живетъ одной жизнью, такъ и жена послушна внушеніямъ мужа, съ которымъ она соединена единствомъ плотскимъ и духовнымъ. Такимъ образомъ, отклоняя здѣсь отъ себя специальное разсмотрѣніе обоихъ этихъ опредѣленій, мы можемъ указать ихъ общую мысль и содержаніе: въ нихъ говорится о Церкви, какъ о жизни въ единеніи со Христомъ, какъ о совершающемся о б о ж е н і и человѣка.

Однако духовная сущность Церкви не можетъ исчерпываться только опредѣленіями, относящимися къ единенію со Христомъ, ибо это единеніе ведетъ за собою и вселеніе Св. Духа, или же обусловливается имъ: обоженіе совершается Духомъ Свя-

тымъ для облакающихъ во Христа. Потому и Церковь должна быть опознана какъ вмѣстилище даровъ Св. Духа, ведущее свое начало отъ Пятидесятницы. Ощутительное вступленіе въ Церковь при крещеніи сопровождалось явнымъ изліяніемъ даровъ Св. Духа въ первенствующей церкви (согласно Д. Ап.): «Павель прибыль въ Ефесъ и, нашедши нѣкоторыхъ учениковъ, сказалъ имъ: приняли ли вы Духа Святаго, увѣровавъ? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть-ли Духъ Святой... И, когда Павель, возложилъ на нихъ руки, нисшелъ на нихъ Духъ Св., и они стали проповѣдывать языками и пророчествовать» (Дѣян. Ап. 19:6) (Ср. также Д. Ап. 8: 17-19, 10:44-47). И насколько жизнь въ Церкви есть жизнь во Христѣ, настолько она есть жизнь въ Духѣ Св.: «правда, миръ и радость въ Дусѣ Святѣ». Стяжаніе Св. Духа есть и цѣль, и существо, и задача христіанской жизни, какъ это было однажды сказано преп. Серафимомъ, въ согласіи со всѣми учителями Церкви. Поэтому и Церковь, которая однажды въ Словѣ Божіемъ именуется домъ Христовъ (Евр. 3, «Христосъ какъ Сынъ въ домѣ Его, домъ же Его — мы»), неоднократно называется домъ Божій и храмъ Божій, какъ храмъ Духа Св.: «не вѣсте ли яко храмъ Божій есте, и духъ Божій живеть въ Васъ?» (Кор. 3:16-17, 6:19, 2 Кор. 6:16, Еф. 2:19-21). Для Духа Св. нѣтъ преградъ и нѣтъ границъ, Онъ все проникаетъ, даже глубины Божія, Онъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и никто не знаетъ, когда Онъ приходитъ и куда уходитъ. Онъ святитъ, преображаетъ, пресуществляетъ всякое естество, вдохновляетъ и восполняетъ оскудѣвающее и врачуетъ немощное. «Святымъ Духомъ всякая душа живится», и безъ благодати Св. Духа нѣтъ жизни истинной и вѣчной, жизни въ Богѣ. Церковная жизнь есть благодатное царство Св. Духа. Церковь есть Духъ Св., благодатно дѣйствующій въ людяхъ. Дѣйствіе Св. Духа имѣетъ разныя степени и связано съ разными образами Его наитія. Какъ Царствіе Божіе, жизнь въ Церкви есть «правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ». Въ древнѣйшемъ текстѣ прошеніе молитвы Господней: «*да приидетъ Царствіе Твое*» читалось: «да приидетъ Духъ Святой». Онъ былъ вдунуть воскресшимъ Христомъ въ апостоловъ, которые тѣмъ самымъ были рукоположены Великимъ Архіереемъ во священство: «пріимите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, а имъ же держите, держатся». Этими словами имъ дана была священническая власть. Церковныя таинства и освященія совершаются призываніемъ и силою Св. Духа: а) освященіе св. даровъ на литургіи, предваряемое молитвой 3-го часа о ниспосланіи Св. Духа, завершается словами, произносимыми при общемъ благословеніи Св. Хлѣба и Чаши: *преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ*; в) освященіе крещальныхъ водъ (какъ и освященіе воды въ Богоявленіе) совершается «силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Духа Св.», «невидимымъ явленіемъ Св. Духа»; с) мвропомазаніе — «печать дара Духа Св.», d) въ елеосвященіи: «ниспосли Святаго Твоего Духа и освати елей сей»; е) въ рукоположеніи испрашивается и низводится благодать Св. Духа на рукополагаемаго. Духъ Св. есть освящающая сила въ Церкви. Будущій вѣкъ, когда будетъ Богъ «всяческая во всѣхъ», царст-

во славы, отличается отъ теперешняго царства благодати, когда жизнь въ состояніи своемъ остается еще непросвѣтленной, и Духъ Божій золотитъ только вершины. Однакоже по существу это одна и та же жизнь, жизнь въ Св. Духѣ, в ѣ ч н а я жизнь.

Итакъ, Церковь обладаетъ сокровищемъ *вѣчной жизни* во Христѣ и Св. Духѣ. Она есть эта вѣчная жизнь на землѣ и въ семь вѣкѣхъ начатокъ вѣка будущаго.

6. *Церковь какъ богоустановленное общество.* Хотя сила Церкви есть благодатная жизнь въ Богѣ, невидимая очами міра, однако Церковь вслѣдствіе этого не становится невидимой въ своемъ внѣшнемъ бытіи въ этомъ мірѣ. Ея жизнь не приводится къ беспорядочному, импровизированному вдохновенію и экстазамъ, къ которымъ хочетъ ее свести піэтизмъ и мистицизмъ, всяческое «духовное» христіанство. Благодатная жизнь въ ней соединяется и съ внѣшнимъ ея ознаменованіемъ черезъ посредство видимыхъ знаковъ и дѣйствій, которымъ присуща благодатная сила. Установить такую связь и единство между внѣшнимъ ознаменованіемъ и духовной сущностью, ея наполняющею, другими словами, обрѣсти нужную форму священныхъ символическихъ дѣйствій, своими силами, разумѣется, невозможно для человѣка. Это возможно только самому Богу, если Ему это угодно, черезъ Его откровеніе въ богоустановленномъ богочитаніи и богослуженіи. И мы, дѣйствительно, видимъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, имѣвшемъ лишь «тѣнь будущихъ благъ» (Евр. 10) новозавѣтныхъ, самъ Богъ даетъ установленія, касающіяся какъ храмоустройства, такъ и богослуженія вмѣстѣ съ священствомъ. В е с ь обрядовый законъ в о в с ѣ х ь подробностяхъ данъ Моисею непосредственно Богомъ на Синаѣ, другими словами, явился вслѣдствіе прямого Божьяго повелѣнія, установившаго тѣмъ самымъ *видимую Церковь* на землѣ. (см. Исх. гл. 25-31, Лев. гл. 1-8, 23-4, Числь 8-10, 15, Втор. 16-17). «И освящу скинія, собранія, и жертвенникъ, и Аарона и сыновъ его освящу, чтобы они священнодѣйствовали Мнѣ. И буду обитать среди сыновъ Израилевыхъ, и буду ихъ Богомъ». (Исх. 29: 44-45). Такимъ образомъ «первый завѣтъ имѣлъ постановленіе о Богослуженіи и святилище земное» (Евр. 9). Но и новый Завѣтъ и Церковь Христова имѣетъ постановленія о Богослуженіи и святилище земное, хотя уже иныя, чѣмъ ветхозавѣтныя, какъ и новое священство. Онъ также установленъ, какъ в и д и м а я церковь. И, дѣйствительно, Церковь, какъ общество, имѣющее внѣшніе признаки, ознаменованія, формы своей жизни, основана Господомъ І. Христомъ и исполнена Духомъ Св. Понятіе ц е р к в и, какъ общества, заступившее мѣсто ветхозавѣтнаго саһал'а, мы имѣемъ въ Евангеліяхъ и апостольскихъ посланіяхъ. «Нѣтъ другого основанія Церкви, кромѣ единого Христа», по слову Апостола: «о с н о в а н і я б о и н о г о н и к т о н е м о ж е т ь п о л о ж и т и, п а ч е л е ж а щ а г о, е ж е е с т ь І. Х р и с т о с ь.» (I Кор. 3:2). (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 85) (Ср. вообще тексты: Мѣ. 16: 18, 10: 14, 16, 17: 21). Новозавѣтная проповѣдь о Царствіи Божіемъ имѣетъ своимъ предметомъ

также природу Церкви *). Основаніе Церкви положено боговоплощеніемъ Христа, Который принялъ на Себя и совершенно обожилъ человѣческое естество и искупилъ человѣка Своею крестною смертію, «стяжалъ Церковь кровію Своею» (Д. Ап. 20: 28, Еф. 5: 25-7). При этомъ освященіи человѣческое естество было сохранено во всей силѣ и неприкосновенности, свободно подчинившись естеству божественному: согласно догмату 6 всел. собора, во Христѣ существуютъ двѣ воли и два хотѣнія, божеское и человѣческое, благодаря единенію которыхъ устанавливается ихъ полное взаимное общеніе или проникновеніе. И Церковь есть неповрежденное человѣчество Христово, соединившееся съ Божествомъ и въ видимости своей вмѣстившее невидимую присносущую силу Божества. Церковь есть живое пересѣченіе, единство двухъ жизней, двухъ міровъ: божественнаго и человѣческаго, природнаго и благодатнаго. Посему эта жизнь раскрывается и осуществляется въ видимыхъ формахъ, сверхчувственное въ чувственномъ. Но эти формы даны и установлены самимъ Богочеловѣкомъ, сообщающимъ Свою жизнь Своему тѣлу непосредственно, (какъ въ Евхаристіи, въ отпущеніи грѣховъ) или черезъ посредство апостоловъ въ дальнѣйшемъ преданіи, какъ зерно, изъ котораго развивается растеніе чрезъ всѣ вѣка до скончанія міра и Второго пришествія. Церкви присуща — и ей только одной — б л а г о д а т н а я, сверхприродная, божественная жизнь, она есть источникъ, рошающій міръ и человѣчество водами живота вѣчнаго, и внѣ этого источника нѣтъ влаги. Общеніе благодатной жизни дается человѣку не одинолично, въ отъединеніи, но соборно по связи съ Церковью, какъ богоустановленной организаціей. Плоды этой жизни невидимы, какъ сокровенна и самая жизнь въ Богѣ, но формы ея видимы и богоустановлены. Церковь не становится при этомъ между Богомъ и человѣкомъ, заслоняя собою для него небо, напротивъ самая обращенность къ небу дана только въ Церкви и черезъ Церковь. Инымъ можетъ показаться, что этимъ вводится внѣшній формализмъ тамъ, гдѣ должно царить свободное вдохновеніе и личное творчество. Но форма не есть формализмъ, также, какъ и личная настроенность не есть обособленность и отъединеніе. Формализмъ связанъ съ отсутствіемъ внутренняго движенія души, усилія духовнаго. И здѣсь мы имѣемъ единство двухъ волей и природъ въ жизни Церкви, тѣла Христова: таинственная жизнь въ Церкви и есть это единство богоустановленныхъ формъ, въ которыхъ подается благодать Божія, и человѣческаго произволенія, подвига, усилія, которымъ Царствіе Божіе нудится. Поэтому-то Церковь не есть и не можетъ быть простое общество единомышленниковъ, какъ «послѣдователей» ученія Христова подобно многочисленнымъ обществамъ, преслѣдующимъ доступныя человѣческимъ силамъ мірскія цѣли. Она по самой природѣ и задачамъ своимъ можетъ быть осно-

*) Ср. протоколы семинарія пр. прот. С. Булгакова: «Новозавѣтное ученіе о Царствіи Божіемъ» (Дух. Міръ студенчества, № 1, 2, 3, 4, 5, Прага, 1923-4-5).

вана только самимъ Богомъ, І. Христомъ, она можетъ быть дана или не дана человѣку, но иначе она не можетъ возникнуть или произойти естественнымъ порядкомъ. Отсюда слѣдуетъ съ очевидностью, что Церковь есть, да только и можетъ быть всецѣло и единственно церковью преданія, свято хранимаго отъ начала. Господь въ дни своего служенія и особенно послѣ Воскресенія Своего, являясь апостоламъ, открывалъ имъ умъ къ постиженію сокровеннаго въ писаніи и научалъ ихъ своимъ установленіямъ. И просвѣщенные сошествіемъ Духа Утѣшителя, апостолы передали это наученіе своимъ преемникамъ, и это священное преданіе, т в о р ч е с к и сохраняясь, т. е. развиваясь и осуществляясь въ жизни, кристаллизовалось въ формы церковной жизни, имѣющія священный авторитетъ и подлежащія сохраненію до окончанія міра. Поэтому и Новозавѣтная Церковь имѣетъ свой законъ и уставъ богопочитанія и богослуженія, хотя, конечно, иной, чѣмъ ветхозавѣтный. Главнымъ такимъ установленіемъ является церковная *іерархія*, облеченная свыше в л а с т ь посредствовать между Богомъ и людьми, низводитъ благодать Св. Духа. Эта власть, первоначально данная апостоламъ и ими переданная своимъ преемникамъ вмѣстѣ съ ученіемъ и всѣмъ преданіемъ, и является основаніемъ того, что Церковь есть *а п о с т о л ь с к а я* въ своей силѣ. Она имѣетъ одну и ту же благодатную силу и власть какъ и во времена апостольскія. Этому *самотожеству* Церкви во всѣ времена ея существованія не противорѣчитъ то, что священное преданіе сохраняется творчески, не какъ мертвый капиталъ, но какъ *живое* преданіе, находящее для себя разныя историческія формы выраженія: апостольское *преемство* благодати сохраняется нерушимымъ. Наличіемъ богоустановленныхъ формъ дается внѣшнее опредѣленіе ц е р к в и в и д и м о й, какъ общества, связаннаго іерархической организаціей и единствомъ преданія, а вслѣдствіе этого и единствомъ благодатной жизни.

Г р а н и ц ы этого общества не положены, напротивъ, Церковь призвана вмѣстить всѣ народы: «шедше, научите вся языци» (Мѡ. 28:9). Ветхозавѣтная Церковь устанавливалась завѣтомъ Бога исключительно съ избраннымъ народомъ, задача коего состояла въ томъ, чтобы приуготовить священный сосудъ для боговоплощенія, освященную и святую Дѣву. Новый Завѣтъ, не связанный такимъ ограниченіемъ, является свершеніемъ спасенія для всѣхъ, хотящихъ его вмѣстить. Однако вступленіе въ Церковь совершается лишь чрезъ новое рожденіе водою и Духомъ, чрезъ св. крещеніе. За порогомъ ея оказывается все человѣчество, жившее до Христа, и живущее послѣ Христа въ невѣдѣніи о Немъ хотя и безъ противленія Ему. Пути спасенія его остаются для насъ недовѣдомой тайной, о которой говоритъ апостоль: «О, бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его!» (Рим. 11:33) Ап. Петръ говоритъ о п р о п о в ѣ д и в о а д ѣ (І Петр. 3: 19-20), и онъ же свидѣтельствовалъ, что «Богъ не лицепріятень, но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятень Ему». (Д.

Ап. 10:34-35). Среди церковных писателей некоторые (Климентъ Алекс., св. Іустинъ Философъ) говорили о «христианахъ до Христа», и ту же мысль выражаетъ наша церковь, давая иногда (Московскій Благовѣщенскій соборъ и др. храмы) мѣсто въ притворѣ храма изображеніямъ языческихъ мудрецовъ (Платона, Аристотеля и др.) Но въ составъ видимой церкви входятъ всѣ крещенные, т. е. не только праведники, а и грѣшники. Поэтому церковь земная, воинствующая, всецѣло и состоитъ изъ *грѣшниковъ спасающихся*, хотя и искупленныхъ Господомъ, но еще содѣлывающихъ дѣло своего спасенія. Ничья участь и ничье состояніе окончательно еще не можетъ считаться опредѣлившимся, пока не закончилась земная жизнь, въ силу удобопревражности грѣху человеческой природы. Неводъ Церкви влечетъ себѣ рыбъ всякаго рода (Мѡ 13: 47-50), и раздѣленіе произойдетъ лишь тогда, когда отдѣлены будутъ плевелы отъ пшеницы, до времени растуція вмѣстѣ, на одномъ полѣ. (Мѡ. 13: 24-30).

7. *Внутреннее единство Церкви.* Оно слѣдуетъ съ очевидностью изъ самого существа Церкви, которая есть, прежде всего, благодатная жизнь въ Богѣ. И какъ единъ Богъ, единъ Христосъ и Духъ Св., такъ, по силѣ этого единства, едина и Церковь. Это именно сказано прежде всего въ Первосвященнической молитвѣ Господней: «да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азь въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ» (10. 17:21) «Азь есмь лоза, вы же рождіе» (15:5). Такое единство есть, прежде всего, самотожественность благодатной жизни. Это же свойство есть и ея каеолчность или цѣльность (отъ греческаго *καθ' ὅλον*. Русскій переводъ каеолическій, какъ *соборный* неточенъ). Цѣлостность же не есть количественное, но качественное опредѣленіе, она присуща божественной благодатной жизни какъ таковой. Она недѣлима, хотя и многообразна въ проявленіяхъ, по степени и формѣ. «Дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же, и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ... Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло... и всѣ напоены однимъ Духомъ» (1 Кор. 12: 4-5, 13). Вотъ единственное основаніе единства или, что то же, каеоличности Церкви, которая есть, такимъ образомъ, не экстенсивная величина, зависящая отъ внѣшней протяженности, но интенсивная, духовная окачественность, присущая всякому подлинному церковному опыту. Церковь едина, ибо жизнь ея единственна, единство есть качество церковности. Жизнь въ Богѣ всегда имѣетъ въ себѣ свойство цѣлостности, а постольку и всеобщности, какъ въ смыслѣ качественного ея тожества въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, такъ и въ смыслѣ внѣшняго ея единообразія, проистекающаго изъ внутренняго единства. Духовная жизнь имѣетъ свой особый языкъ, единый для всѣхъ: чудо Пятидесятницы, упразднившее раздѣленіе языковъ, всегда продолжается въ жизни Церкви. Только силою этого самотожества или каеолическаго единства въ Церкви становится законно и понятно то словоупотребленіе, ко-

торое иначе может показаться вопіющимъ противорѣчіемъ и несообразностью: «Церковь Божія, сушая въ Коринѣѣ» (1 Кор. 1: 2, 2 Кор. 1: 1). Какимъ образомъ Церковь Божию, вселенскую и единую, можно связывать и видимо отождествлять съ помѣстной общиной (къ тому же страждущей такими нестроениями и грѣхами, какъ коринѣская?) Это становится однако вполне понятнымъ и естественнымъ, если имѣть въ виду внутреннее единство Церкви, какъ благодатную жизнь, проявляющуюся и осуществляющуюся въ многочисленныхъ частныхъ церквахъ, помѣстныхъ общинахъ.

Но какова же эта связь, существующая между единствомъ церкви внутреннимъ или качественнымъ и внѣшнимъ или количественнымъ, находящимъ свое выраженіе и въ организациі? Эта связь несомнѣнно существуетъ: внутреннимъ единствомъ обосновывается и, до извѣстной степени, предполагается и внѣшнее, причемъ это послѣднее можетъ осуществляться въ двухъ направленихъ: какъ одинаковость жизни церковной въ разныхъ мѣстахъ и какъ связь іерархической организациі. Единство жизни церковной устанавливается общностью вѣроученія, догматовъ, всего преданія церковнаго и, прежде всего, Слова Божія, свершеніемъ таинствъ, богослуженія, всѣмъ богопочитаніемъ. Есть единый могучій, неизмѣримый въ глубинѣ своей потокъ преданія церковнаго, въ которомъ сливаются отдѣльныя жизни и въ который вливается всякая частная община. Это есть не повтореніе, но общность, не одинаковость, но единство, не раздѣльное бытіе, но бытіе въ раздѣльности, не «подобосущіе», но «единосущіе». Вся сокровищница церковнаго преданія, благодатно содержамаго церковію, не вмѣщается въ рамки никакого частнаго церковнаго опыта, и однако онъ возможенъ лишь на общей ея основѣ, какъ каждая капля воды имѣетъ въ себѣ вкусъ и влажность цѣлаго океана, и каждый листокъ на деревѣ питается чрезъ посредство ствола отъ всего корня. Духъ Святой, вся исполняя, движетъ жизнью Церкви. Это не значитъ также, чтобы каждый членъ Церкви въ своемъ личномъ обладаніи содержалъ всю догматику, экзегетику, литургику. Однако онъ не можетъ и не долженъ, не отпадая тѣмъ самымъ отъ единства Церкви, носить въ своемъ религіозномъ сознаніи какое-либо устремленіе, противорѣчащее церковному ученію и съ нимъ несовмѣстимое (какъ, напр., арианство или толстовство). Быть слабымъ, малосвѣдущимъ членомъ Церкви не значитъ быть еретикомъ, извращающимъ или отвергающимъ ея ученіе. При этомъ члены Церкви содержатъ ея ученіе не на основаніи своего личнаго изслѣдованія или личнаго убѣжденія — оно можетъ имѣть значеніе только посредствующее, какъ пути, приводящаго къ Церкви, — но на основаніи авторитета самой Истины, жизненно опознанной въ Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе Истины (Тим. 3: 15). Не все церковное доступно и вмѣстимо всякому ея члену, — такъ было и есть во всѣ времена существованія Церкви, ибо она вмѣщаетъ знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и рабовъ, старыхъ и юныхъ. Глубина вѣдѣнія Церкви завѣдомо превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ одаренъ. Но онъ дол-

женъ провѣрять себя по Церкви, учиться у Церкви, вопрошать Церковь, искать въ ней, а не въ себѣ самомъ истины. Для него церковность есть критерій истинности его мнѣній, у него не должно быть другой заботы, или другого желанія, какъ быть церковнымъ, находится во внутреннемъ согласіи съ Церковью, и всякое самочиніе и своемысліе должны быть ему чужды. Однако такое послушаніе Церкви не есть внѣшнее, пассивное, но внутреннее, творческое, — послушаніе не раба, но сына, не страха, но любви. У любящаго нѣтъ большей заботы, какъ быть въ согласіи съ любимымъ, у сына же быть въ единеніи съ небеснымъ Отцомъ и Матерію — Церковію. Но это единеніе тогда только полно и возможно, когда оно является искреннимъ и свободнымъ. Церковь для членовъ своихъ есть любимая и любящая мать, — не власть, но авторитетъ, а потому — *власть авторитета*. Для того, кто вѣдаетъ въ Церкви изліяніе Духа Божія, противленіе Церкви есть противленіе Духу Святому, есть желаніе «солгать Духу Святому» (Д. А. 5:3). Практически же изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ необъятномъ составѣ церковнаго ученія различаются разныя его части, имѣющія для даннаго момента различную степень ясности и значенія. Есть истины незыблемыя и для всѣхъ ясныя, — необходимыя (*necessaria*), — таковы, на примѣръ, символъ вѣры, не даромъ возглашаемый на литургіи вѣрныхъ, и есть истины искомыя, представляющія предметъ пытливаго и благочестиваго богословствованія и не только допускающія свое ихъ истолкованіе, но даже — до времени — обязывающія къ посильному ихъ проясненію лицами, къ тому призванными и подготовленными: *in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas* (Бл. Августинъ). Охраненіе церковной свободы — въ своемъ мѣстѣ и въ своихъ границахъ — есть одно изъ условій незыблемости церковнаго авторитета. Церковная дисциплина, внутренняя и внѣшняя, только тогда жизненна и крѣпка, когда опирается на свободное сознаніе своего долга и любви: *in omnibus caritas*. Но на cadaго члена Церкви возлагается долгъ — узнавать свою вѣру, воцерковляться въ отношеніи ученія церковнаго и стремиться къ достиженію доступными для него средствами, наипаче же жизненнымъ подвигомъ своимъ. «Кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него» (1 Кор. 8:3). «И вы помазаніе имѣете отъ Святаго и имѣете все... самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и неложно, но чему оно научило васъ, въ томъ и пребывайте». (1 Ио. 2,20, 27). Источникомъ ученія, для всѣхъ доступнымъ и равно необходимымъ служить б о г о ж и т і е, каковымъ является богослуженіе, участіе въ молитвословіяхъ и таинствахъ церковныхъ, въ благодатномъ ея богодѣйстви. Самъ Христосъ, вселяясь въ вѣрныхъ, чрезъ таинства Тѣла и Крови, подаетъ имъ силу Свою и умъ Свой; самъ Духъ Св., живущій въ Церкви и сообщающійся въ таинствахъ церковныхъ, научаетъ ихъ всякой истинѣ. Весь чинъ богослуженій церковныхъ, храмъ со св. иконами и священными изображеніями, учитъ и назидаетъ вѣрующихъ.

Въ утвержденіи и храненіи церковнаго преданія свое значеніе имѣетъ и чело-

вѣческое усиліе и воля, богословская мысль и богословская наука, движимая духомъ церковности. Начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства и до нашихъ дней богословіе оказывало Церкви свои услуги, которыя Церковь и оцѣнила, возвеличивая особый даръ и подвигъ «отцовъ Церкви и вселенскихъ ея учителей». Дѣла вселенскихъ соборовъ были бы неосуществимы безъ наличія этихъ богословскихъ усилій. И хотя въ разныя эпохи существованія Церкви требовались различныя дары и различныя усилія, но потребность въ богословствованіи, опирающемся на всѣ доступныя средства научнаго изслѣдованія, была на лицо во всѣ времена ея историческаго существованія, а въ частности и въ наше время. Церковное преданіе хранится не какъ талантъ, зарытый въ землю, но какъ непрестанно приумножаемый и обращае-мый, отдаваемый въ ростъ, по слову Евангельской притчи.

Единство преданія и богодѣйствія есть жизненное осуществленіе единства Церкви. Но это единство выражается и въ одинаковомъ, для всѣхъ частныхъ церквей общимъ строеніемъ церкви, ея организаціей. Рядомъ съ е д и н о с у щ і е м ъ внутренней жизни въ ней имѣется и п о д о б о с у щ і е в н ѣ ш н и х ъ ея формъ или организаціи, изъ этого внутренняго единосушія вытекающихъ. Этимъ мы переходимъ уже къ ученію о Церкви какъ организаціи. Церковь есть общество іерархически организованное, имѣющее церковную власть и подданство или пасомыхъ. Власть въ Церкви связана съ священнымъ саномъ, присуща этому послѣднему. Господь, Верховный Архіерей нашъ, посвятилъ апостоловъ на служеніе, давая имъ в л а с т ь вязать и рѣшить. Эта апостольская власть, преемственно сохраняющаяся въ священствѣ, состоитъ въ священнодѣйствіи, правѣ совершенія таинствъ и церковнаго поученія. Эта власть не можетъ быть ни отнята, ни умалена, ибо она дана самимъ Господомъ, и различіе между мірянами и священствомъ не можетъ быть упразднено, потому что священство обладаетъ особымъ даромъ Св. Духа, низводимымъ на посвящаемаго при хиротоніи. Священство существуетъ не силою человѣческаго избранія, не порученіемъ отъ общины, какъ это учить протестантизмъ, но т а и н с т в о м ъ рукоположенія. Древнѣйшее преданіе Церкви свидѣтельствуетъ, что руководство жизнью церковной находилось въ рукахъ іерархіи и, въ частности, во главѣ церковныхъ общинъ стояли епископы. «Nulla ecclesia sine episcopo» (Тертуллианъ). «Кто не въ единеніи съ епископомъ, тотъ и не въ Церкви» (Св. Кипріанъ). Преемство епископской власти отъ апостоловъ устанавливается списками епископовъ древнѣйшихъ церквей: «смирнская, напр., представляетъ Поликарпа, поставленнаго Іоанномъ, римская — Климента, рукоположеннаго Петромъ; равно и прочія церкви указываютъ тѣхъ мужей, которыхъ, какъ возведенныхъ на епископство отъ самихъ апостоловъ, имѣли они у себя епископами апостольскаго сѣмени» (Св. Иринея). Основанія для ученія о степеняхъ іерархіи и ея апостольскомъ происхожденіи имѣются и въ Словѣ Божіемъ, гдѣ говорится, что апостолы возлагали руки на пресвитеровъ и епископовъ (хотя это епис-

копство и пресвитерство въ тогдашнемъ видѣ не вполне совпадаетъ съ теперешнимъ). (Д. А. 14:23, 20:28; Тит. 1:5, 2:1, 13, Тим. 6:20, Тим. 1:16, 4:12, I Петр. 5:12, 2 Тим. 2:2, I Тим. 5:22, 6:17). Протестанское отрицаніе священства, которое находится въ связи съ общимъ поврежденіемъ всего ученія о таинствахъ въ протестантизмѣ, опирается на мысль о всеобщемъ священствѣ всѣхъ христіанъ: «вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ». (I Петр. 2:9). Въ этихъ словахъ апостольскихъ, дѣйствительно, выражена мысль о нѣкоторомъ всеобщемъ помазаніи, присущемъ всему христіанству. Но почему это можетъ препятствовать или противорѣчить существованію нарочито поставленныхъ разныхъ степеней священства, опирающагося на особые дары Духа Св. чрезъ апостольское преемство? Для этого нельзя привести рѣшительно никакого серьезнаго основанія. Превращеніе священниковъ въ простыхъ избранниковъ общины, которая этимъ избраніемъ всецѣло порождаетъ ихъ и передаетъ имъ права служенія слова и священнодѣйствія, вноситъ ложный демократическій принципъ поставленія *снизу*, чрезъ избраніе, и тѣмъ разрушается іерархическое начало, которое держится не на избраніи, но на постановленіи или посвященіи.

8. *Внѣшнее единство Церкви.* Осуществленіемъ іерархіи вносится начало в н ѣ ш н я г о единства Церкви, наряду съ внутреннимъ. Благодаря іерархіи Церковь есть организованное общество, имѣющее законную власть и порядокъ или право: единство молитвенно-догматическое и мистическое восполняется единствомъ каноническимъ. Высшая церковная власть естественно связана съ саномъ епископскимъ, которому въ случаѣ нужды принадлежитъ примѣненіе церковныхъ каръ. Такимъ образомъ, естественное строеніе Церкви, какъ организованнаго общества, выражается въ рядѣ епископій, живущихъ полнотою жизни въ своихъ собственныхъ предѣлахъ. Однако эти частныя епископіи соотвѣтствуютъ множественности «святыхъ Божіихъ церквей», съ каковымъ мы встрѣчаемся и въ Словѣ Божіемъ. (Ср. Откр. 1:11-20). «Привѣтствуютъ васъ всѣ церкви Христовы» (Рим. 16:16), — слово *ц е р к о в ь* склоняется въ множественномъ числѣ. Такимъ образомъ полагается основаніе не только единообразію церковной организациі, но и ея множественности. Это соотвѣтствуетъ тому, что Господь избралъ двѣнадцатерицу апостоловъ, и эта двѣнадцатерица въ *с о в о к у п н о с т и* своей представляетъ собой церковное верховенство, какъ это выразилось и при избраніи новаго апостола на мѣсто Іуды въ восполненіе двѣнадцати (Д. А. 1:15-26), причемъ первымъ органомъ власти вселенской церкви явился соборъ апостоловъ и пресвитеровъ (Д. А. 15). Эти епископіи не остаются чуждыми одна другой, онѣ находятся между собою въ общеніи, причемъ это общеніе также принимаетъ организованную форму. Согласно 34 апост. правилу, епископы каждой страны должны имѣть перваго между собою, который и является центромъ единенія ряда общинъ, причемъ въ исторіи церкви

этот помѣстный примать облакался въ разныя формы: архіепископій, митрополій, патріархій. Однако патріархіи, даже обширныя, представляютъ собою лишь церковныя провинціи или діоцезы. Эти провинціи также находятся въ духовномъ общеніи между собою, которое получаетъ то или иное выраженіе, соотвѣтственно нуждамъ и возможностямъ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого общенія являются вселенскіе соборы, которые получили авторитетъ высшей власти для вселенской церкви и установили рядъ церковныхъ законовъ (каноновъ), имѣющихъ общую значимость на протяженіи всей церкви. Возможность новыхъ вселенскихъ соборовъ въ будущемъ отнюдь не исключена, даже, повидимому, въ послѣднее время она становится вѣроятнѣе, чѣмъ еще недавно, но и при отсутствіи ея она до извѣстной степени восполняется с о б о р о в а н і е м ъ, общеніемъ отдѣльныхъ церквей по разнымъ вопросамъ для установленія общихъ мнѣній въ случаѣ нужды и духовнымъ единеніемъ въ молитвахъ и таинствахъ. Такимъ образомъ, какъ организованное общество, Церковь распадается на рядъ отдѣльныхъ автокефальныхъ церквей, руководящихся въ своей жизни общимъ церковнымъ законодательствомъ, — священными канонами и общностью вѣры и жизни.

Достаточно ли этимъ выражается и обеспечивается е д и н с т в о церковной организациіи и всей церковной жизни? Не вносится-ли въ жизнь церковную началомъ автокефальности дурная множественность, пестрота, провинциализмъ вмѣстѣ съ національными страстями и политическими вліяніями? Не нуждается-ли единая Церковь въ единой и единоличной власти? Вотъ вопросъ, который естественно и неизбежно возникаетъ, когда мы стараемся уяснить себѣ природу церковнаго единства, и онъ настойчиво выдвигается съ католической стороны, вмѣстѣ съ обвиненіями противъ православія въ анархіи, непослѣдовательности, нерѣшительности, расколѣ. Для католиковъ единство церкви п р е ж д е в с е г о выражается въ наличіи единого главы Церкви, Римскаго Первосвященника, облеченнаго всей полнотой власти на протяженіи всей Церкви. (*plena et suprema potestas jurisdictionis in universam Ecclesiam, ordinaria et immediata sive in omnes ac singulas ecclesias sive in omnes et singulos pastores et fideles*). Римская церковь есть м о н а р х і я, ничѣмъ и никѣмъ не ограниченная снизу, причемъ это монархическое начало именно и почитается здѣсь обеспечивающимъ и устанавливающимъ единство Церкви. Римское пониманіе единства Церкви, какъ абсолютной церковной монархіи отнюдь не вызывается существомъ ея. Хотя въ Церкви и существуетъ власть, но все же она есть прежде всего не организациія власти, но единство жизни. Наличность ряда автокефальныхъ церквей не препятствуетъ этому единству, какъ и, наоборотъ, единоличный режимъ не всегда можетъ его обеспечить. Перенесеніе въ область церковной жизни нормъ и понятій государственнаго права затемняетъ и извращаетъ существо вопроса: церковь невольно приравнивается тѣмъ государственной организациіи или партіи, въ ней развивается имперіалистическій духъ съ преобладаніемъ п р а в о-

в о г о сознания («юридизмъ»). Внѣшнія удобства, дѣйствительныя или кажущіяся, связанныя съ церковнымъ централизмомъ сопровождаются ослабленіемъ интимнаго, мистическаго самосознания. Вступить на путь внѣшняго единства власти въ цѣляхъ церковнаго единства значило бы незамѣтно подмѣнить самую задачу, — хотѣть не столько единства церковной жизни, сколько однообразія церковнаго порядка. Уже самое появленіе такого желанія свидѣтельствовало бы о происшедшемъ нарушеніи внутренняго церковнаго равновѣсія. Единство Церкви есть в н у т р е н н я я норма и задача, которая не должна упрощаться и извращаться привнесеніемъ чуждыхъ началъ. На этомъ основаніи примать в л а с т и Церкви враждебенъ и ненуженъ. Однако нельзя того же сказать про примать а в т о р и т е т а, который является символомъ церковнаго единенія и порождается имъ. По тому же самому закону жизни церковной, по которому помѣстныя церкви должны имѣть перваго епископа въ каждомъ народѣ, образовались и патріархаты, причемъ и отношенія между патріархами также опредѣлились извѣстнымъ различіемъ въ авторитетѣ. Первенство авторитета въ древней церкви принадлежало безспорно каедрѣ ап. Петра, Римской церкви. Вслѣдствіе растущихъ притязаній Римской каедрѣ, которая хотѣла первенства не только примата, авторитета, но власти, получившей впоследствии и догматическое обоснованіе на Ватиканскомъ соборѣ, восточную церковь было отвергнуть и примать авторитета. Послѣ разрыва съ рим. церковью первое мѣсто Римской каедрѣ въ хорѣ автокефальныхъ церквей осталось незамѣщеннымъ (потому что его, конечно, не могъ замѣстить и Византійскій патріархъ). Такъ это остается и по настоящее время. *)

Различіе между церковнымъ востокомъ и западомъ, православіемъ и католичествомъ состояло и состоитъ въ томъ, что въ глазахъ перваго сама Церковь даетъ права и устанавливаетъ авторитетъ той или другой каедрѣ, въ частности и римской, въ глазахъ же втораго папѣ римскому принадлежитъ власть *ipso iure* надъ всею церковью, по божественному установленію. Римское пониманіе церкви, какъ единоличной папской монархіи неизбежно извращаетъ природу церковнаго единства, которое устанавливается не столько организаціей власти, сколько единствомъ жизни, и наклоняетъ его въ сторону примата власти и тѣмъ самымъ невольно огосударствливаетъ церковь изнутри. Римская доктрина догматически основывается на рядѣ произвольныхъ утвержденій. Первое изъ этихъ утвержденій состоитъ въ томъ, будто Господь Иисусъ Христосъ вручилъ Петру в л а с т ь надъ апостолами и Церковью (Мѡ. 16:16) на пути въ Кесарію, когда Петръ отъ лица всѣхъ апостоловъ, къ кото-

*) Митр. Антоніемъ недавно въ печати высказано мнѣніе, что папа Римскій, если-бы отказался отъ догматическихъ своихъ заблужденій, имѣлъ бы первенство чести, а по практическимъ соображеніямъ могъ бы получить и значительную власть, даже болѣе обширную, нежели та, которая была ему свойственна до церковнаго раздѣленія (*The Christian East, February 1924*).

рымъ былъ обращенъ вопросъ Господа, исповѣдываль свою вѣру. Римское истолкованіе этого текста создало тысячелѣтній г и п н о з ъ, подъ вліяніемъ котораго католиками воспринимается этотъ текстъ какъ установленіе примата в л а с т и Петра надъ всѣми апостолами *). Въ настоящее время этотъ экзегетическій произволь догматизированъ постановленіемъ Ватиканскаго собора, который анаеетствовавалъ всѣхъ, кто утверждаетъ, что «блаженный ап. Петръ не былъ поставленъ Господомъ І. Христомъ княземъ (principem) всѣхъ апостоловъ и главой всей воинствующей Церкви», или же что римской каедрѣ принадлежалъ примать только чести, а не «подлинной и настоящей (verae propriaeque) юрисдикціи». Для вѣрующихъ католиковъ этотъ вымыселъ есть очевидный фактъ, который они вычитываютъ въ Евангеліи, хотя въ немъ и нѣтъ ничего подобнаго, согласно пониманію всей вселенской церкви до раздѣленія, да и въ настоящее время — не только во всемъ православномъ мірѣ, но и за предѣлами православія. Вторымъ утвержденіемъ, базирующимъ римскую доктрину, является, что власть, принадлежавшая ап. Петру, ввѣрена была не только лично ему, но и всѣмъ его преемникамъ, въ лицѣ Римскаго епископа; отрицающіе этотъ догмать также анаеетствуются Ватиканскимъ соборомъ (Const. de Eccl. Chr., cap. 1, 2) Это утвержденіе преемства, конечно, уже не вычитывается изъ Евангелія, оно представляетъ собою плодъ многовѣковаго развитія Зап. Церкви въ сторону монархическаго имперіализма. И хотя Римская каедра ап. Петра (впрочемъ не надо забывать, что она была не единственной, ибо и Александрійская и Антиохійская церкви были основаны ап. Петромъ, Римская же была совмѣстнымъ дѣломъ апостоловъ Петра и Павла) пользовалась высокимъ почитаніемъ во вселенской церкви, и ей воздавалось первенство чести (каноны 1 всел. 6, 2 всел. 3, 4 вс. 28, Трул. 36, Соф. 1), но, разумѣется, ватиканскій догмать никогда не являлся общимъ убѣжденіемъ востока и запада. И, наконецъ, третье утвержденіе римской доктрины состоитъ въ провозглашеніи единоличной абсолютной власти папы въ церкви, церковнаго самодержавія. Эта власть выражается въ полной и высшей юрисдикціи надъ всею Церковью в о в с ѣ х ъ дѣлахъ, не только вѣроученія, но и жизни и дисциплины, прямой и непосредственной, ordinaria et immediata, какъ отдѣльными церквами, такъ и пастырями и вѣрующими (Const. de Eccl. с., 3) Это сосредоточеніе всей церковной власти въ лицѣ папы, догматизированное Ватиканскимъ соборомъ, означаетъ и сосредоточеніе въ лицѣ его всей ц е р к о в н о с т и. **). Дѣйствительно, предъ наличіемъ такой безусловной и притомъ богоустановленной власти задачи церковной жизни и осуществленіе церковнаго единства сводятся къ п о в и н о-

*) Подробный экзегетическій разборъ Мѡ. 16: 18 и проч. текстовъ см. въ специальномъ очеркѣ: «Петръ и Іоаннъ, два первоапостола» (гот. къ печати). Общую же характеристику римскаго католицизма см. въ очеркѣ: «Ватиканскій догмать» (гот. къ печати).

**) Мы коснемся въ слѣдующемъ очеркѣ ватиканскаго догмата папской н е п о г р ѣ ш и м о с т и .

в е н і ю, церковное единство становится дѣломъ дисциплины и послушанія, сверху и донизу. Здѣсь не остается мѣста не только самочинію, которому и не должно быть доступа въ церкви, но и свободѣ христіанской, къ которой призвалъ насъ Господь (Гал. 5:1). Власть папы, какъ абсолютная, не знаетъ апелляціи: *sedes Romana a nemine iudicatur*, — и такъ какъ папа принципиально можетъ приказывать всѣмъ, все и обо всемъ, то онъ становится н а д ъ церковью, в ы ш е церкви, или, иначе сказать, онъ самъ и есть истинная церковность, къ которой должны примѣняться и себя по ней провѣрять всѣ члены церкви. Получается неизбѣжно с м ѣ щ е н і е внутренняго центра церковности. Это соотвѣтствуетъ и качественно и н о м у характеру церковнаго опыта или церковной жизни въ католичествѣ сравнительно съ вселенской церковью: здѣсь церковь есть въ первую очередь организация власти, церковная имперія, примать власти, подзаконность, не оставляющая мѣста свободѣ и единству въ любви. Это есть реакція ветхозавѣтности въ новозавѣтномъ христіанствѣ, въ изначальной борьбѣ номизма и свободы внутри церкви. (Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о догматическихъ очертаніяхъ, дѣйствительная жизнь можетъ быть и, конечно, есть глубже и богаче и церковнѣе, нежели это можно ожидать, судя по неумолимости доктрины). Нельзя отрицать, что церковная монархія имѣетъ за себя рядъ практическихъ преимуществъ. Если только на нее согласиться, она удобна и освобождаетъ отъ неразрѣшимыхъ трудностей. Таковыми являются въ исторической практикѣ автокефальныхъ церквей тренія и споры по поводу ю р и с д и к ц і и и ея размежеванія и проистекающая отсюда раздробленность и пестрота. Это — ч е л о в ѣ ч е с к а я сторона и, конечно, человѣческая с л а б о с т ь исторической церкви въ свободѣ и многообразіи ея соборнаго бытія. Если пойти въ полонъ и сложить свою автономію у папскаго престола, споры объ юрисдикціи замолкаютъ, разумѣется, для того, чтобы немедленно возродиться, лишь въ иной, скрытой формѣ — борьбы внутри папской куріи или на мѣстахъ. Но главное въ томъ, что ни за какія практическія удобства или за чечевичную похлебку нельзя уступить своего первородства.

Въ церковной жизни сочетаются начала послушанія и свободы, взаимно другъ друга обуславливая: послушаніе в н ѣ христіанской свободы, снятіе личной отвѣтственности, возложенной Богомъ на каждого, есть «иго рабства» (Гал. 5:1) и раболѣпства, но не изъ рабовъ состоитъ Церковь Христова. Однако свобода, понятая какъ своеволие и отсутствіе церковной власти, не есть ц е р к о в н а я свобода. Церковь не есть государство и не должна себя опредѣлять и сознать по образу государства, она есть совершенно особое общеніе людей, въ которомъ формы организациіи не должны быть завершеными здѣсь на землѣ, но, начинаясь здѣсь, продолжаются и оканчиваются въ небѣ. Глава Церкви есть Христось, и потому Церковь не имѣетъ земнаго главы, она не можетъ имѣть и единственнаго намѣстника Христова, каковымъ притязаетъ быть римскій папа. Иначе этотъ е д и н ы й намѣст-

никъ, становясь главою церкви, заслоняетъ собою Главу Невидимаго и застилаетъ небо сплошной крышей своего купола. Но Христось имѣетъ много намѣстниковъ, которыхъ установилъ въ апостолахъ и ихъ преемникахъ епископахъ. Всякій епископъ, какъ носитель благодатной власти, есть намѣстникъ Христовъ, однако не въ своемъ обособленіи, не въ единственномъ числѣ, если такъ можно выразиться, но въ множественномъ, въ связи съ другими епископами, со всѣмъ епископатомъ. Господь избралъ двѣнадцать апостоловъ и эта двѣнадцатерица съ ап. Петромъ во главѣ (причемъ это главенство не означаетъ, конечно, никакого его с в е р х - апостольства въ смыслѣ власти — на это нѣтъ никакихъ указаній въ Словѣ Божіемъ) — и образуетъ множественную, соборную власть въ Церкви, которая имѣетъ перваго (или первыхъ) въ своей средѣ, но не имѣетъ и не можетъ имѣть главы, ибо Глава ея Господь, сѣдящій одесную Отца. Куполь зданія церковной власти всегда остается недостроенъ и не можетъ быть достроенъ, дабы было открыто небо. Извѣстная незавершенность, нестройность присуща самому стилю церковной организациі, есть ея свойство, хотя бы это и являлось дефектомъ съ правовой и государственной точки зрѣнія и влекло за собою многія трудности и практическія неудобства. Многоголосый и пестрый хоръ разноплеменныхъ автокефалій, который можетъ собираться, а можетъ и не собираться вѣками во внѣшнемъ единствѣ, являетъ собою тѣмъ не менѣе болѣе соотвѣтствующую природѣ церковнаго единства картину, нежели централизованная римская монархія. Церковь всегда имѣетъ наличную власть на мѣстахъ, — именно мѣстнаго епископа или же высшій органъ власти — патріарха, митрополита, синодъ, такимъ образомъ она никогда не страдаетъ безвластіемъ, пребываетъ іерархична. Эта власть въ законныхъ своихъ предѣлахъ дѣйствуетъ неограниченно и требуетъ себѣ безусловнаго подчиненія (напр. въ вопросахъ дисциплины или юрисдикціи). Но вмѣстѣ съ тѣмъ п р и н ц и п і а л ь н о каждая изъ этихъ мѣстныхъ властей не есть безапелляціонная и абсолютная, она не уничтожаетъ и не снимаетъ личной отвѣтственности съ cadaго члена Церкви не только за неподчиненіе ей, но и за подчиненіе. Она не допускаетъ себѣ подчиненія слѣплого и рабскаго, но знаетъ лишь свободное и христіанское. Она никого не лишаетъ права и обязанности с у ж д е н і я , оно-то и есть основаніе с о б о р н о с т и церковной, тогда какъ при наличіи единоличной, не знающей апелляціи, фактически въ каждомъ актѣ всегда непогрѣшимой власти «намѣстника Христова» для с у ж д е н і я не остается мѣста, есть только повиновеніе. Посему церковное единство, какъ организациа власти, осуществляется какъ д в ѣ н а д ц а т е р и ц а , соборная множественность, и отъ этой основы, положенной Христомъ, не должно быть отступленій въ сторону единоначалія, хотя бы во имя мистическаго единства. Противъ притязаній римскаго самодержавія въ Церкви нужно утверждать церковное многоначаліе, возглавляемое Христомъ. Это многоначаліе въ условіяхъ человѣческой исторіи, по грѣхамъ нашимъ, нерѣдко, а можетъ быть и всегда являетъ извѣстныя

анархическія черты, угрожаетъ распыленіемъ и провинціализмомъ, съ этимъ нужно бороться въ мѣру силъ, во имя сохраненія нерушимой свободы христіанства, которую принести въ жертву соблазняетъ церковное самодержавіе ради сомнительныхъ практическихъ преимуществъ.

Расколъ церковный коренится, очевидно, въ различіи церковнаго опыта, въ разномъ чувствѣ церкви, въ разности церковной психологіи, которая къ несчастію давно уже проникла въ догматику и въ церковную исторію. Люди начинаютъ по разному видѣть и понимать одни и тѣ же факты при свѣтѣ различнаго внутренняго опыта. Такое именно впечатлѣніе оставляетъ многовѣковая полемика о папскомъ приматѣ. Въ настоящее время, кажется, исхожены всѣ пути, изучены всѣ аргументы, сказаны всѣ слова какъ съ той такъ и другой стороны, и каждая остается въ искреннемъ сознаніи своей правоты, и каждое возобновленіе спора только свидѣтельствуетъ объ его бесплодности и безрезультатности*). Должны совершиться нѣкія внутреннія событія, — внутреннее раскрѣпощеніе и разгосударствленіе церковности въ сердцѣ западнаго христіанства, для того, чтобы воочию увидѣть, что Господь поставилъ надъ церковью не одного князя апостоловъ, но всю двѣнадцатерицу, живое многоединство, соединяемое и скрѣпляемое не единствомъ власти, но единой жизнью, вѣрой и любовью.

ПРОТ. СЕРГІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Только еще недавно имѣлъ мѣсто новый обмѣнъ взаимныхъ возраженій по вопросу о папской власти между проф. Глубоковскимъ и еп. Горомъ съ одной стороны и Баттифолемъ съ другой (The christian East, novem. 1923, febr., june, sept., dec. 1924), причемъ лишній разъ можно удостовѣриться, какъ мало даетъ здѣсь полемика, хотя это отнюдь не значитъ, чтобы отъ нея всегда нужно и можно уклоняться. Но справедливы остаются слова: Bishop Gore: «The old points of controversy cannot be got out of the way» (June 1924; p. 65)